

Виктория Токарева

Так плохо,
как сегодня

Издательство "Азбука"

Виктория Токарева

Так плохо, как сегодня (сборник)

«Азбука-Аттикус»

2013

Токарева В. С.

Так плохо, как сегодня (сборник) / В. С. Токарева — «Азбука-Аттикус», 2013

ISBN 978-5-389-06467-6

Новая книга Виктории Токаревой. Галерея новых ярких образов. Драма и юмор новых историй. Тонкое восприятие жизни – и при этом трезвый взгляд на любую ситуацию. Настроение новых рассказов современного классика – это сожаление о шаткости человеческих ценностей. Особенно сегодня. И все же автор остается романтиком, который верит и, кажется, знает, как быть... В сборник добавлены три редких рассказа, которые не переиздавались много лет и почти неизвестны широкому кругу читателей («Кирка и офицер», «Дружба превыше всего», «Кино и вокруг»). Содержит нецензурную брань

ISBN 978-5-389-06467-6

© Токарева В. С., 2013

© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Так плохо, как сегодня	6
Механическая птичка	18
Чужие проблемы	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Виктория Токарева

Так плохо, как сегодня (сборник)

© Токарева В. С., 2013

© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2013

Издательство АЗБУКА

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Так плохо, как сегодня

Его имя: Андрей Владимирович Велицкий, но все и всегда звали его Веля (сокращенная фамилия). И со временем все забыли, что он Андрей Владимирович. Просто Веля.

Веля рано стал знаменитым. Его пьеса обошла все театры страны, принесла большую славу и большие деньги. Богатый, молодой и знаменитый – буквально козырный туз в колоде. В таком случае – не важно, как туз выглядит. Он может быть и лысым, и коротышкой. Главное – талант и статус. Но Веля был еще и красавец. Куда уж больше.

В его красоте главное – ум, светящийся в глазах, и застенчивость, плавающая в улыбке. Он никогда не был высокомерным. Он смотрел на собеседника с ожиданием радости, как молодая собака: куда побежим? Что будем делать? В нем постоянно присутствовала готовность к приключениям, к авантюре, и было непонятно: откуда он берет свои глубокие мысли, анализ происходящего... Откуда-то. Из космоса.

В него были влюблены все женщины поколения. Кроме меня. Я понимала, что такой уровень мне не по зубам. А попадать в поток поклонниц не хотела. Зачем? Чтобы мной закусывали, как огурчиком? Я держалась поодаль и наблюдала. Мне было интересно посмотреть: кого же он выберет? На ком остановится?

И он выбрал чужую жену, старше себя на шесть лет. С чего вдруг? Но, когда я ее увидела, все поняла. Эмма (так ее звали) была другая, чем все. Не советская. Она как будто сошла с экранов западного кино – неземная и независимая. Инопланетянка.

Роман пылал у всех на глазах, как костер. Все ждали, чем он закончится.

А закончился он смертью мужа Эммы. Возможно, он умер от горя, от утраты Эммы. Есть такие женщины, равные жизни. Без них ничто не радует и жить незачем.

Существует еще одна причина: раненое самолюбие. Каждый кому не лень судачит, осуждает, подозревает в мужской неполноценности. Это все равно что выйти голым на всеобщее обозрение, и все тебя рассматривают в подробностях и хихикают в кулак.

Если разобраться, все самоубийства от разбитых надежд. Но муж Эммы умер от разрыва сердца. Он был не молод, сосуды изнашивались, один, самый хрупкий, сосуд порвался, и «здрате, Константин Сергеевич». Так звали Станиславского. Он давно уже переместился на тот свет и встречал там всех деятелей культуры – плохих и хороших. А может быть, только хороших – трудно сказать.

Веля всегда мечтал жениться на Эмме, но в отдалении маячил муж, и это придавало их связи остроту и привкус трагедии. Но муж умер, дорога открыта, квартира свободна. Все имущество переходит вдове. Эмма не только свободна, но и богата, что тоже очень сексуально.

Веля испугался. Мужчины никогда не хотят терять свободу, даже если любят. Жениться – значит обрубить себе все следующие возможности. Но Веля понимал, что назад дороги нет. Он сделал предложение.

Эмма печально согласилась. Все-таки ей было жалко мужа. Мужа не хватало. Когда он жил – было лучше. Все, как тигры в цирке, сидели на своих тумбах. Муж – на своей, Веля – на своей. Все было прочно и разнообразно. А сейчас – как будто дверь открыта и гуляет сквозняк. Того и гляди, вор залезет или ветер выдует тепло. Но у жизни свои резоны. Эмма одновременно стала вдовой и невестой. Надо было выбирать.

Она приняла предложение Веля и укатила на море со своим внуком Левушкой. Левушке – два года. Эмме – сорок, а ее дочери Маше – двадцать. Обе – мама и дочь – рано открыли сезон, поскольку были любопытны, нетерпеливы и хороши собой, в стиле французской актрисы Катрин Денев. Обе яркие, как леденцы, хотелось положить их за щеку.

Левушка – маленький и смешной. Эмма купала его в море, потом заворачивала в махровый халат и укладывала спать прямо на берегу, чтобы ребенок дышал морем. Набирался

здоровья. Она вилась над ним, как орлица над орленком. Видимо, материнский инстинкт не был утолен одним ребенком, дочерью Машей.

Маша тоже отдыхала на море, с мамой и сыном. Мужа при ней уже не было, она его отставила за ненадобностью. Видимо, муж не соответствовал ее амбициям, а просто любовь проходит быстро. Особенно первая любовь.

Все это происходило в Доме творчества, в Крыму. Я тоже отдыхала там в это же самое время, поскольку была членом Союза писателей. Средний возраст писателей – шестьдесят лет. А мне – двадцать шесть. Я рано открыла свой творческий сезон. Писатели приняли меня в свои ряды, допустили к своим благам, куда входили дома творчества в лучших уголках страны.

Я краем глаза наблюдала, как дочка Эммы Маша закурила роман с восходящей звездой по имени Сандрик. Они вместе шли к морю радостной, упругой походкой – полуголые, в одних купальниках. Счастье сияло над их головами как нимб. Рыжий Сандрик под солнцем – как зажженная спичка. Еще секунда, и сгорит. У Маши идеальная фигура, ничего лишнего. Весь ее облик как будто взывает: «Люби меня».

Я смотрела на них без зависти. Просто видела: вот идет любовь. Хорошо бы их нарисовать: полуголые, светящиеся.

Что было дальше с этой любовью, я не знаю – продолжалась она или прервалась... Наверное, какое-то время продолжалась, но в конце концов прервалась, потому что Маша уехала вместе с матерью в Америку.

Но это будет позже. А сейчас они обе – мать и дочь – были в эпицентре молодости и любви. Одной двадцать, другой сорок. Солнце, море и жизнь впереди.

Эмма ждала Велю. Он должен был приехать к ней своим ходом, на машине. Она ждала его во вторник, к вечеру. И в этот же вторник разразилась дикая гроза. Молнии раздирали небо. По радио передавали, что на дорогах камнепад и оползни.

Все знали, что Веля едет, путь его опасен, и группа поддержки устремилась к Эмме. Зачем? А непонятно. Просто Веля был всеми любим, и хотелось стать к нему поближе, прикоснуться к его жизни, пусть на расстоянии. Было невозможно сидеть в номерах и пить чай, когда Веля рискует жизнью каждую секунду. Порывы ветра трясут и швыряют его машину, а ветровое стекло заливают яростные потоки грозы.

Группа поддержки вошла в номер к Эмме. Она сидела на диване. Я запомнила ее тревожное лицо и платье. Юбка с рваными краями. Этот фасон был придуман каким-нибудь ковыристым стилистом, потому что сам до такого кроя не додумаешься. Лицо маленькое, щеки обтянуты тревогой, глаза – не здесь. Она смотрела на нас с легким непониманием: чего приперлись... Но ей было легче с нами, чем одной.

Левушки в комнате не было, видимо, его забрала Маша.

Наша группа поддержки молчаливо оказывала сочувствие Эмме и Веле, уважение к их любви. Женщины прятали легкую зависть, но помыслы наши были чисты. Веле грозила опасность, и любой из нас готов был подставить свои руки под его колеса, чтобы удержать, если понадобится.

Женщины мысленно сравнивали себя с Эммой: многие моложе и на красоту не хуже. Но что-то в Эмме было другое, чем во всех нас. Другая самооценка. Веля украшал Эмму. Еще бы... Но и она его украшала. Дорогая штучка. Настоящая драгоценность. Мы все выглядели как стекляшки возле бриллианта.

У Вели был широкий выбор – вся страна. Но он выбрал Эмму. Значит, было за что.

Однажды, через полгода после лета, я шла с кем-то по дачной дороге. Нам повстречалась машина. В ней сидели Веля и Эмма.

Ходили слухи, что они решили валить из страны, скорее всего – в Америку. Там свобода, а у нас ее нет.

Я никогда не понимала: что такое свобода? Для меня свобода – это русский язык. Я на нем свободно говорю, и не просто произношу слова, а плаваю в нем как рыба в море, как птица в небе. У меня огромный словарный запас. Я виртуозно жонглирую словами. Заслушаешься. А в Америке я смогу произносить только «о'кей» или «гуд-бай». Я не знаю английского языка и никогда его не выучу, а даже если и выучу, буду передвигаться от слова к слову, как на костылях. Зачем мне такая свобода?

Но Веля – человек мира. Личность другого масштаба, а большому кораблю большое плавание.

Эмма и Веля сидели в машине – и что-то было в них нездешнее, заморское. А именно: дорогая неброская одежда, отсутствие лишнего веса плюс доброжелательность. Веля остановил машину, стал говорить о чем-то с тем человеком, который шел возле меня. А я просто стояла и молчала и рассматривала эту пару людей с другой планеты. И понимала, что в Америке они приживутся, а я останусь в своем болоте и буду здесь квакать, в смысле говорить – хорошо и складно.

Эмма летуче улыбалась мне из машины. Это была вежливость воспитанного человека; не воротить морду в сторону, а дескать: вижу-вижу, очень приятно.

Мужчины окончили разговор, и Веля тронул машину. Они отъехали и увезли с собой свой мир. А мы остались на дороге.

Была еще одна встреча.

Я приехала с моим другом к кому-то на день рождения. Было обильное советское застолье, а именно: холодец с хреном, салат оливье, селедочка с картошечкой, квашеная капуста и так далее. Это обязательный ассортимент тех времен. Сейчас – другое время. Сейчас на столах – красная икра, клешни крабов и прочие морепродукты. Холодец и салат оливье – жлобская еда, повышающая холестерин, опасный для жизни. Я все понимаю, но для меня до сих пор нет ничего вкуснее, чем холодец с хреном и салат оливье.

В конце вечера решили поиграть в преферанс. Мой друг радостно согласился, а мне надо было вернуться домой.

– Тебя отвезет Татьяна, – сказал друг.

– Никаких Татьян, – возмутилась я. – Я с тобой приехала и с тобой вернусь.

Друг растерялся. Ссориться со мной он не хотел, но и упустить игру в преферанс было обидно.

Веля и Эмма стояли рядом и присутствовали при конфликте.

Мой друг устремился к Веле за справедливостью: кто из нас прав.

– Ты все сделал правильно, – рассудил Веля. – Но ты потратил недостаточное количество слов.

Я запомнила это его высказывание; действительно, очень часто все зависит от ДОСТАТОЧНОГО количества слов.

Мой друг мог бы мне сказать, что он давно не играл в преферанс, а для него это релакс, расслабление. А он так устал, все нервы натянуты, и только я одна могу его понять, потому что у меня тончайшая душа. И какая разница: кто довезет меня до дома – он или Татьяна. Татьяна живет по соседству и сможет доставить меня до самого подъезда. А если мне важно вернуться именно с ним, то я могу подождать, пока не закончится игра.

И тогда бы я сказала: – Да нет. Зачем ждать? Это долго. Я, пожалуй, поеду с Татьяной...

На самом деле мой друг был единственным ребенком в семье, его баловали всю дорогу, и он не в состоянии был думать ни о ком, кроме себя. Он так привык.

Таких людей много. От них хорошо бы держаться подальше. Но именно такие и нравятся. Хорошие мальчики, как правило, скучны. Интересны плохие мальчики.

Веля, как ни странно, был хороший мальчик, несмотря на всеобщую любовь и заласканность. Его все любили и баловали. Он умел не вызывать зависти, хотя его талант и успех были очевидны. При всем при этом Веля был теплый, скромный и глубоко порядочный человек. Он как будто не замечал своей избранности и соблюдал все правила приличия и все законы человеческого бытия.

Эмма была за ним как за каменной стеной. Счастливая женщина, Эмма.

В следующий раз мы встретились через тридцать лет.

Талантливые люди старыми не бывают. Веле стукнуло шестьдесят пять, но он мало изменился. Во всяком случае в моих глазах. Тот же лукавый взгляд, та же тихая улыбка. Седина в русых волосах как-то затерялась. Общий тон – пепельный.

Мы встретились в Швейцарии на книжной ярмарке. Туда были приглашены ведущие российские писатели, и я в том числе.

Мой талант тих и скромен на фоне настоящих творцов, таких как Веля и иже с ним. Но среди приглашенных были и такие, которые писали намного слабее, чем я. Это успокаивало и уравнивало.

За тридцать лет в жизни Вели произошли большие перемены. Жил он в Америке, на берегу океана. Круглый год солнце, фрукты, морепродукты, рай.

Внук Эммы Левушка вырос, расцвел и погиб в двадцать пять лет. Это случилось пять лет назад. Что явилось причиной трагедии – неизвестно. Подозревают наркотики. Я не помню, чтобы в мое время существовала эта губительная чума. А сейчас наркота ходит, как смерть с косой, и косит молодых, красивых, прекрасных. Буквально выкашивает.

Эмма сломалась. Погиб смысл ее жизни. На чужбине, пусть даже в раю, но в чужом раю, она питала свою душу только любовью к близким: дочке, внуку, мужу. И вот главное звено – Левушка – исчезает, растворяется во вселенной.

Эмма подходила к Веле, поднимала к нему свое маленькое лицо, обтянутое горем, и спрашивала:

– Как мы теперь будем жить?

– Мы будем жить грустно, – отвечал Веля.

Живой в могилу не ляжешь. Надо жить, и они стали жить грустно; Эмма провалилась в депрессию. Она не хотела начинать день, не хотела причесываться, готовить еду. Зачем? Она просто ждала, когда все кончится, она переместится в мир иной и встретит там своего Левушку и спросит его: как это все случилось? Только он один это знает и сможет ответить на все ее вопросы.

Веля терпеливо заставлял Эмму начинать день, умывал ее и причесывал, шел в магазин, покупал продукты, потом возвращался и готовил обед.

Кормил Эмму из ложечки, следил, чтобы она получала нужное количество калорий и витаминов.

Веля надеялся, что время лечит. Эмма в конце концов выйдет из депрессии. Но ничего не менялось. Каждое утро Эмма открывала глаза и произносила одну и ту же фразу: «Так плохо, как сегодня, мне не было еще никогда...»

Жизнь Эммы – ее детство, юность и зрелость – протекала без испытаний. Ее всегда любили, вначале родители, потом мужчины, и главный приз жизни – Веля. У Эммы не было потерь, утраченных иллюзий, разбитых надежд. У нее не было иммунитета к утратам, и, когда на нее свалилась бетонная плита горя, она не выдержала. Сломалась и не могла подняться. Так продолжалось изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год.

Веля принял эту жизнь. Он делил горе любимой женщины, но помимо этого он еще и работал. Писал свою «нетленку» – так шутили его московские друзья. Где сейчас эти друзья? Где их общая бурная молодость? Где эта страна – Советский Союз? Все рухнуло, обвалилось.

Когда-то Веля и его друзья мечтали сломать режим, развеять застой, разогнать старцев на трибуне Мавзолея. И вот все случилось. Режим сломан. Застой развеян.

На смену старых пришли молодые, активные и жадные. Все изменилось. Можно возвращаться домой, в Москву, в русский язык. Не обязательно сидеть в чужом раю. Но не обязательно жить только в одном месте, в конце концов можно жить и на две страны. И даже на три. Можно быть человеком мира.

А почему нет?

Веля стал наезжать в Москву, тем более что его непрерывно приглашали. Велю помнили и любили и считали за честь видеть его в разнообразных жюри.

Веля отрывался от Эммы. Вместо себя оставлял надежного человека: дочку Эммы Машу или домработницу итальянку Камиллу. Камилла подходила больше. Это была крупная, веселая, рукастая крестьянка. Она не обращала внимания на депрессию хозяйки, и Эмма как-то незаметно отвлекалась от своего горя. Тогда как Маша – удваивала: на депрессию Эммы наваливала еще и свою.

Веля стал бывать в Москве все чаще. Ему оплачивали проезд, гостиницу и гонорар. Гостиница Веле не нужна. Свою квартиру в центре Москвы они с Эммой не продали, а оставили на всякий случай. И этот всякий случай являлся все чаще.

В какой-то момент Веля осознал, что его жизнь – здесь, а не там. Здесь его любят. Здесь – русский шарм и русская ментальность, которой больше нет нигде. И сам он русский до мозга костей. Свой среди своих.

В Сочи проходил основной российский кинофестиваль. Веля – председатель жюри.

Фильм кончился. Все зрители ушли, и жюри тоже разошлось. А Веля все сидел и думал о том, что увидел. Фильм его потряс уровнем правды. В Советском Союзе не могло появиться такого фильма. Его бы сразу закрыли и смыли пленку. Чувствовалось, что автор фильма знал эту жизнь, о которой рассказывал: жизнь современного дна. Литература и кинематограф никогда прежде не заглядывали в это безжалостное дно.

Искренность и талант – вот две составляющие настоящего произведения. Если нет таланта, никакая искренность не поможет. А если нет искренности, то вылезет полуправда, а значит – вранье.

Веля сидел и размышлял. И вдруг на его колени села Полина Жук – фотограф кинофестиваля. Художники-фотографы в основном мужчины, но Полина – единственная в своем роде – смелая, талантливая, без тормозов.

Все можно, и ничего не стыдно.

Она села к Веле на колени и обвила его шею тонкой рукой.

– Ты что делаешь? – испугался Веля.

– Я тебя люблю, – просто сказала Полина.

– Я старик, – напомнил Веля.

– Это не зависит...

Полине было за сорок, но она выглядела на десять лет моложе: тонкая, черноглазая, как цыганка, веселая, все нипочем. Между собой ее звали Жучка, и она привыкла. Жучка – не собака, а жена жука. Или подружка жука. Почему бы и нет.

– Перестань, люди увидят, – смутился Веля. Он боялся, что кто-то заметит и доложит Эмме. Ей только этого не хватает.

– Пойдем к тебе, – предложила Жучка.

– Мне шестьдесят пять лет, – напомнил Веля.

– Не думай об этом. Я все сделаю сама.

Веля внимательно смотрел на Полину. Эта женщина, как ребенок, привыкла получать все, что хочет.

– А ты случайно не папарацци? – проверил он.

– Я лауреат конкурса. Лучше меня только Андронов.

Полина ему нравилась: ее энергия, ее напор. Как давно этого не было в его жизни...

Веля звонил домой. Камилла отвечала: все в порядке, все по-старому. Жизнь остановилась, и это считалось в порядке.

А здесь, в Сочи, жизнь захлестывала, как цунами. Просмотры, обсуждения, банкеты, ярмарка тщеславия, суета сует, солнце, море, мартини. Режь эту жизнь и ешь ее кусками.

На закрытии фестиваля Полина вручила Веле пачку фотографий. Только лицо. Крупный план. Веля думает, Веля спорит. Звонит по телефону. Хохочет. Лицо было счастливым. Впервые за долгие годы Веля увидел свое счастливое лицо.

Швейцария – это рай. Такая же красота и скука. Вместо ангелов – голубые парни. Куда ни зайдешь: в кафе, в бутик – тебя обслужит жеманный красавец с серьгой в ухе.

Семьсот лет не воевали, не знают трудностей и потрясений. А страну надо встряхивать время от времени, как старую шубу. А может быть, и не надо. Трудно сказать.

В Швейцарии всё для человека: еда, вода, леса, озера, социальная поддержка. Бытует мнение, что Швейцария – страна для пожилых людей.

Все удобно, сплошной комфорт и никаких тебе всплесков. Сплошной штиль.

Русскую делегацию расселили в четырехзвездочном отеле.

В составе делегации писатели трех поколений: молодые, средние и старшие. При этом старшие не знают молодых. А знают ли нас молодые – неизвестно. Велю во всяком случае – знают. Он – знаковая фигура на все времена.

Я смотрю на Велю. Он, конечно, постарел, но не изменился. Обаяния – море. На него хочется смотреть не отрываясь.

Возле Вели – Полина Жук. Жучка. Как она здесь оказалась? Возможно, ее включили в делегацию как успешного фотографа, она должна зримо отражать выставку. Либо ее пригласил Веля и она является гостьей Вели...

Мне не все равно, потому что где-то, «на том конце замедленного жеста», маячит Эмма в обнимку со своим горем. Но вопросов я не задаю. Каждый живет как хочет и как получится.

Не исключено, что между Белей и Полиной только дружба. Полина, как маленькая электростанция, питает его севший аккумулятор. Они нужны друг другу, Веле – заряжаться, а Полине заряжать. В ней столько жизненных сил, что их надо тратить. Иначе она взорвется. Трудно быть счастливой для себя одной. Надо делиться.

Жучка – оптимистка, ей все нравится, и я в том числе. Она бросается мне на шею как близкая родственница, и мне ничего не остается как ответить любовью на любовь.

Жучка, оказывается, читала мои книги, и ей кажется, что мы знакомы и близки, поскольку она знает меня изнутри.

– Что это у вас за сумка? – возмущается Жучка.

– «Гуччи», – отвечаю я с гордостью, поскольку это дорогая и пафосная фирма.

– Это теткина сумка. С такими ходят только тетки.

– А я кто? Дядька?

– Вы богема. Вы должны носить сумку «Мандарина Дак».

– А что это?

– Побежим и купим. Я знаю адрес.

На другой день мы носимся по магазинам, покупаем «мандарину дак» мне и Эмме. Веля не в курсе. Купить сумку для Эммы – идея Полины. И деньги Полины.

Люди делятся на берущих и дающих. Полина – второе. Ей нравится отдавать. Потом мы покупаем обувь – мне и Веле. Веля ничего про это не знает. Полина лучше ориентируется: что надо Веле. Она ему служит, это можно понять. Веля – один на поколение. Штучный экземпляр.

Вечером мы сидим перед отелом.

Вытащили столик, поставили стулья почти на проезжую часть. В полуметре от нас снуют машины, но это никому не мешает. Пьем вино, беседуем, рассматриваем друг друга. Мне интересны молодые. Кто вы, пришедшие нам на смену, пытающиеся спихнуть нас в забвение...

Среди старших – очень известный Икс, с платочком на шее, законченный козел. Говорит глупости, лицо в неаккуратной растительности, как в плесени. Все пережидают, пока он заткнется. Когда-то, лет двадцать назад, он был красивый, я была в него влюблена. Я смотрю на Икс новыми, трезвыми глазами и пытаюсь понять: он действительно козел или во мне говорит перебродившее скисшее чувство?..

Веля тоже участвует в беседе. Говорит мало. От него веет благородством и добротой. Что это? Веля действительно снисходителен к миру, либо он хорошо воспитан, умеет себя вести. Сделанный человек.

Я – не сделанный человек: у меня прохладный глаз и неумение скрывать свои истинные чувства. Но, глядя на Велю, я слежу за собой, контролирую себя, фильтрую. Отзываться о людях с пренебрежением – все равно что плевать против ветра. Плевков к тебе вернется, довольно скоро и прямо в рожу.

Через три часа посиделок мы расходимся.

Ко мне подходит молодой прозаик, что-то спрашивает. Я отвечаю. Потом он говорит:

– Послушайте, какой же этот Икс дурак. Как он пишет свои книги? Каким местом?

– Талантом, – отвечаю я.

Речь идет о козле. Значит, я не ошиблась. Я ошиблась тогда, двадцать лет назад.

Действительно, как он пишет свои книги? Где он настоящий: в творчестве или в жизни? Как он совмещает в себе козла и трепетного творца? А может быть, это вполне совместимо?

Книжная ярмарка похожа на муравейник с муравьями. Ручейки муравьев текут туда-сюда, от одного стенда к другому. В отсеках громадного павильона – встречи с писателями, очереди за автографами. Яркие обложки книг. Представлены все страны. Все языки.

В русском отсеке выступает Сандрик. Сегодня он Александр Григорьевич. У него большая голова, где размещены его большие знания. Я легко узнаю в нем того самого, рыжего, с которым Маша (дочь Эммы) закрутила курортный роман. Он мало изменился, а его восходящая звезда взошла и прочно укрепилась на литературном небе.

Голос Сандрика высоковатый и завораживающий. Он только начал говорить, а человеческие ручейки потекли в наш русский отсек, и через пять минут уже негде яблоку упасть. Он зазывает народ, как заклинатель змей своей волшебной дудочкой. Люди еще не понимают, о чем он говорит, а уже идут, идут...

Мое поколение богато великими людьми. Они еще живут среди нас, а уже известно, что это – гений. И не надо дожидаться его смерти, чтобы это понять. Понимают ли они сами свое значение? Может быть. Пушкин ведь понимал.

Я преклоняюсь перед гениями. Я их вижу, чувствую и многое прощаю. Что позволено Юпитеру, не позволено быку.

Мне полагается выступить. Иначе зачем я здесь...

Общих слов я не люблю, поэтому рассказываю конкретные вещи. Я не буду пересказывать свое выступление. Помню только, что мне самой было интересно. Не скучно. А значит, не скучно и другим. Лица людей были приподняты и готовы к улыбке.

После выступления ко мне подошел Его Высочество князь Голицын. Ему девяносто шесть лет. Он живет в Швейцарии. Высокий, стройный, худой, как засушенная ветка. Очень красивый.

Его Высочество благодарит меня за выступление. Я смущена и, чтобы скрыть смущение, делаю ему комплимент.

– Как вам удастся сохранять физическую форму?

– Я мало ем, – отвечает Высочество. – Обед – только йогурт. Вторник сексуальный день. Я вызываю девушку по телефону. Раз в неделю.

Я молчу. Мне неудобно развивать эту тему.

Можно полноценно жить и в девяносто шесть лет. Главное – быть живым. И нет ничего важнее жизни.

Выставка продолжалась неделю.

В день закрытия нас пригласили на банкет. Еда была дешевая, невкусная, салат плохо промыт или не вымыт вообще. Все кончилось тем, что я жестоко отравилась и не спала всю ночь. Жучка всполошилась и приволокла мне бутылку водки для дезинфекции.

Когда я наутро вышла из номера, делегация заподозрила, что я алкашка. Бледная до зелени, угрюмая, с бутылкой в руке.

Так окончилась моя книжная ярмарка.

Я вернулась из Швейцарии в Москву.

Впечатления улеглись. Я стала забывать Женеву и Женевское озеро. А что их особенно помнить? У нас своя жизнь, у них своя. У нас американские горки: вверх – вниз, у них – застой благополучия.

Неожиданно мне позвонила Полина Жук.

– Я хочу к вам приехать, – сказала Полина. Мне хотелось спросить: зачем? Но я воздержалась.

– Ты на машине? Я далеко живу, – предупредила я.

– Не имеет значения. Я хочу вас видеть.

– Я тоже хочу тебя видеть, – призналась я. – Приезжай. Пиши адрес.

Полина приехала на другой день.

Она привезла мне в подарок свой альбом фотографий. На мелованной финской бумаге – пейзажи, портреты. Дух захватывает от красоты и тайны. В эту тайну можно проникнуть только с помощью таланта.

В старых лицах просвечивают молодые, и становится понятно: жизнь непрерывна.

Мы сели обедать.

– У тебя есть мастерская? – спросила я.

– В том-то и дело...

Полина рассказала свою печальную историю, довольно типичную для интеллигенции.

Жить не на что. Она сдала свою квартиру, а сама переехала в мастерскую. Но мастерскую отбирают, поскольку закончился срок аренды.

– Какой выход? – спросила я.

– Приватизировать мастерскую.

– А от кого это зависит?

– От мэра.

Я догадалась: Полина хочет, чтобы я позвонила мэру. В этом цель ее приезда.

– Я нового мэра не знаю. Он меня тоже, – объяснила я.

– Веля знает. Веля пообещал, что попросит. Он уже записался на прием. Его примут через неделю.

Значит, цель визита – не мастерская. Тогда что? А может быть, ничего. Просто соскучилась и приехала.

Общение тоже роскошь, своего рода бриллиант, особенно общение близких по разуму и жизненному восприятию.

Мы выпили. По телу разлилась благодать и полное спокойствие.

Полина рассказала, как от нее ушел первый муж. Он был моложе ее на десять лет.

– К молодой? – спросила я.

– На десять лет его моложе.

– Значит, тебя на двадцать, – посчитала я.

– Ну да... – согласилась Полина.

– Этого следовало ожидать.

– Почему же? – не поняла Полина. – Разве я не красивая?

Она держала фужер у лица. Большие глаза над хрусталем.

– Я красивая, не зануда, сама зарабатываю... – перечислила Полина. – Была такая любовь...

– Была и сплыла.

– Но почему?

– Ему захотелось детей. А родить должна молодая. У цыган женщина рождает с двенадцати лет. А в семнадцать уже считается старуха.

– Мы же не цыгане, – возразила Полина.

– Ты хочешь, чтобы я с ним поговорила? – догадалась я.

– С кем?

– С твоим мужем...

– Вы что, с ума сошли? Зачем он мне? Я Велю люблю.

– А с Велей у тебя какая разница?

– Двадцать пять лет. Но я их не чувствую. Моя душа слилась с его душой. У нас одна душа на двоих. Я все время слышу его присутствие.

– И сейчас?

– И сейчас...

Наступила пауза. В тишине две души, обнявшись, как в вальсе, медленно проплыли над нашими головами.

– Я хочу родить от Веля ребенка, – проговорила Полина.

Теперь я поняла наконец – зачем Полина приехала. За советом.

– Тебе нужно мое мнение? – проверила я.

– Да. Это очень серьезно. Мне не с кем посоветоваться.

– Веле шестьдесят пять. У него большое прошлое, но маленькое будущее.

– У него прекрасные гены, – возразила Полина. – И у меня тоже очень хорошие гены. Мой отец был большой художник. Мать – наполовину татарка. Красавица. У нас будет потрясающий ребенок. Я привезу его к Веле на океан.

– То-то Эмма обрадуется...

– Эмма будет наблюдать, как он растет, и не думать о смерти. Она выйдет из депрессии и воспрянет. И Веля воспрянет. У них же нет общих детей.

– Ты о ком думаешь – о себе или об Эмме? – не поняла я.

– Это выход для всех. Новая жизнь всех возродит. И ребенок сам получит жизнь. Я почему-то думаю, что это будет мальчик.

Я смотрела на Полину. В ней совершенно не было захватнического начала. Она была готова делиться всем, что имела и не имела, только бы Веля воспрял для жизни.

– А сколько люди живут? – спросила я.

– Не знаю. Князю Голицыну девяносто шесть.

– Ну вот, а Веле только шестьдесят пять. Значит у него в запасе тридцать лет. Мальчик успеет вырасти и получить образование.

Полина просветлела и обрадовалась, как будто действительно от меня зависело их общее будущее.

Веля приехал в Москву. У него было несколько срочных дел, и в том числе визит к новому мэру. Он собрался просить мастерскую для Полины.

Веля не любил просить. Если бы можно было купить, он так бы и сделал. Но откуда деньги у эмигранта?

В русской литературе воспеваются честные неудачники, а в Америке неудачников презирают. Ценятся победители. Воспитывают в человеке активное начало: надо действовать и побеждать, а не сидеть и ждать у моря погоды.

В семидесятые годы из-за «железного занавеса» нам казалось, что Америка – это страна обетованная. В Америке «не темнеют неба своды, не проходит тишина». Но хорошо там, где нас нет.

Веля надел свежую рубашку, вынул из коробочки золотые запонки – подарок Эммы в первый год романа. Никто не предполагал, что этот роман перерастет в целую жизнь.

Веля всегда мечтал о счастье для Эммы. Он все делал так, как она хотела. Она хотела Америку, берег океана, свой дом – все это он положил к ее ногам. На! Живи! Цвети! Но нет большего несчастья для семьи, чем гибель ее младшего члена. Земля рушится под ногами, и уже ничего не спасает: ни Америка, ни океан, ни любовь. Эмма считала, что они Левушкой заплатили за эмиграцию. Не уехали бы из России, Левушка остался бы жив. И получалось, что Веля виноват. Это он затеял и осуществил эмиграцию.

А теперь при первом удобном случае пытается брызнуть в Москву, там ему веселее, и ему там действительно веселее и полезнее. От него что-то зависит – например, два голоса председателя жюри. А в Америке от него не зависит ничего.

Веля достал галстук от Версаче. Галстук ему подарила Полина. Он бы себе такой не купил никогда. Сочетание цветов – неожиданное, яркое, почти туркменское. Но как красиво... У Полины совершенный вкус, как бывает совершенный слух у музыкантов. Полина вливала в него желание жить, вытаскивала из той воронки, где он сидел вместе с Эммой. Полина как будто кинула Веле веревку, и он с трудом, по сантиметру выбирался из темноты и глины и уже видел травку, и солнечный свет, и крылья стрекозы.

Веля был благодарен Полине и хотел сделать для нее что-то столь же существенное. А что может быть более существенным, чем мастерская...

Веля подошел к большому зеркалу и осмотрел себя с ног до головы. В зеркале отражался красиво стареющий, седой, подтянутый... Прекрасный, чуть загорелый цвет лица – влияние океана и хорошего питания. Зубы – не безукоризненные, но свои. Веля терпеть не мог новые зубы, как клавиши у пианино. Они безусловно старили лицо, и хорошие стоматологи всегда наносили искусственную потраву: царапали, корябали – убирали тупую торжествующую безукоризненность. Безукоризненной бывает только пластмасса, а живое всегда тронуту временем и жизнью.

Веля подошел к телефону и позвонил Полине.

– Спускайся вниз, – сказал он. – Я буду через пять минут.

Волею судеб Веля и Полина жили на соседних улицах. Чтобы дойти пешком от подъезда до подъезда, требовалось пятнадцать минут. А на машине – с учетом сел, завел – пять минут и даже меньше.

Мастерская находилась на последнем этаже с переходом на чердак, двухэтажное помещение, очень красивое, за исключением жаркого лета и осенних дождей. Летом крыша нака-

лялась, нечем дышать, а осенью протекала. В остальном это было просторное стильное помещение, где жили свобода, радость и талант.

Сегодняшний поход к мэру мог окончиться победой. Наверняка мэр вырос на пьесах Вели, и ему будет лестно услужить своему кумиру.

Полина не сомневалась в успехе задуманного, но все же волновалась: а вдруг что-то сорвется. Мэр мог проигнорировать просьбу. У него все просят, а Москва не резиновая. Веля – шестидесятник. Шестидесятники постарели и отбывают по очереди на свалку истории. Сам мэр – молодой еще мужик, а молодые в России не уважают возраст. Это в Грузии почитают стариков и в Азии. А в России имеет место выбраковка возрастом. Ценится только то, что можно использовать: молодость, например, деньги. А прошлые заслуги – они в прошлом.

Полина вглядывалась в перспективу улицы, где должна была появиться машина Вели, старенький «мерседес». Веля купил его подержанным.

Прошло пять минут, и десять, и двадцать. «Мерседес» не появлялся. Полина решила пойти навстречу, чтобы сократить расстояние. Она прошла почти всю улицу, машина не появилась.

Полина свернула на соседнюю улицу, и тут она увидела знакомый «мерседес», уткнувшийся в забор. За забором стояла школа старой постройки, похожая на тюрьму. Полина приблизилась к «мерседесу». В нем сидел Веля, положив голову на руль. Вокруг собрались мужики. Рассматривали машину и Велю.

– Если выпил, зачем за руль садиться? – с осуждением сказал худой мужик.

Полина поняла, что Веля без сознания, с ним что-то случилось. Скорее всего инфаркт или инсульт. Она растерялась и оторопела. В ней как будто замедлился ток крови, и она погрузилась в анабиоз. Своеобразная защита организма от стресса.

Полина тем не менее достала мобильник и вызвала «скорую помощь». «Скорая» приехала через полчаса и отвезла Велю в близлежащую больницу. Полина сопровождала Велю, сидела с ним рядом: он без сознания, она в анабиозе. Было понятно, что к мэру они не попадут, мастерскую она не получит, но какая мастерская...

В приемном покое к Веле никто не подходил.

Полина тыркалась к белым халатам.

– Врачи заняты. Подождите, – отвечали халаты.

Полина никому не объяснила, что больной не просто больной с улицы, а великий Андрей Белицкий. Ей было неудобно требовать дополнительного внимания, поскольку здесь все больные. Здоровых нет.

Прошло полтора часа. Полина подошла к молодому врачу и сказала:

– Он умрет.

– Кто? – не понял врач.

– Веля. Он очень талантливый.

– Перед Богом все равны, – ответил врач. Полина достала мобильный телефон, набрала код Лос-Анджелеса и связалась с Эммой. Она хорошо знала этот телефон.

– Я звоню из больницы, – проговорила Полина. – Веля лежит без сознания, к нему никто не подходит.

– Это кто? – строго спросила Эмма.

– Да так. Никто, в общем.

– Какая больница?

– Больница на Котельнической набережной.

Далее все закрутилось и сплелось. Эмма из Америки позвонила лучшим врачам. Врачи тут же приехали в больницу. Через сорок минут Веля уже был в операционной.

Удалили тромб из сонной артерии. Тромб перекрывал ток крови. Кровоснабжение было восстановлено, но время упущено. Почти три часа мозг голодал, а в таких случаях имеет значение каждая минута.

Организм погрузился в кому. Сознание блуждало где-то в темноте и все никак не могло выйти к свету.

Эмма прилетела в Москву на следующий день. Как ей это удалось? Удалось. Она завязала в узел свою депрессию и превратилась в ракету, которая прорезает все слои атмосферы.

Через сутки Эмма уже сидела у постели своего мужа. Врач сказал:

– Разговаривайте...

– А он слышит? – спросила Эмма.

– Не знаю. Главное, говорите. Не отпускайте его.

– Куда?

– Туда. Он будет держаться за ваш голос, как за веревку.

Врач ушел.

Эмма смотрела на любимого. Он похудел. Ему шло. Выглядел он, как это ни странно – хорошо. На лице не было следов страдания или борьбы. Спокойное, умиротворенное, красивое лицо. Глубокие и мелкие морщины нарисовали свой узор, как мороз на стекле. Морщины ему шли и были знакомы – все, до последнего штриха. Они вместе их нажили.

Эмма сидела рядом. Надо было говорить, и она стала рассказывать всю свою жизнь начиная с детства. Потом всю их общую жизнь, начиная со дня знакомства. Особенно долго она задержалась на том лете, в Крыму, когда Веля ее любил и ехал к ней на машине. В грозу. Небо полыхало от молний, было страшно, тревожно и счастливо одновременно. Набежали знакомые и толпились в дверях ее номера, как хор в греческой трагедии. А потом, последние пять лет, она не жила, а будто провалилась в черный мешок, но Веля был рядом, и ей было КОМУ страдать, кому жаловаться. И она себе позволяла. А сейчас... Веля рядом, но его нет.

А вдруг его не будет рядом? И что тогда будет с ней?..

– Веля... – позвала Эмма. – Пожалей меня. Так плохо, как сегодня, мне еще не было никогда.

Эмма произнесла эту фразу иначе, чем всегда. Обычно она добавляла немножко трагедии, а сейчас – безо всяких добавок. Очень просто, тихо, глубоко.

И Веля услышал. Он уцепился за эти слова и почувствовал, что плывет им навстречу.

Эмма заплакала. Она и плакала по-другому, не ему, а себе.

Веля открыл глаза.

Из темноты постепенно, как будто проявляясь, выплыло лицо – такое родное, такое драгоценное. «Эмма...» – узнал Веля.

Она улыбалась ему сквозь слезы, как Джоконда, и Веля не мог понять: родился он или умер.

Механическая птичка

У гитариста Влада Артемьева категорически не хватало денег. Он решил поговорить с руководителем ансамбля, попросить его прибавить зарплату. Повысить ставку за концерт.

Жена родила второго ребенка (девочку), ушла с работы, сидела дома, что естественно. Жить вчетвером на одну зарплату – это значит сводить концы с концами. Иногда эти концы сводились, а иногда нет. Новая девочка орала по ночам, у нее что-то болело. Врачи стоили дорого, не то что раньше, когда медицина была бесплатная. Сейчас половина зарплаты уходила на врачей. Влад постоянно одалживал деньги у всех подряд, постоянно был кому-то должен. Это вгоняло его в депрессию. Он ходил мрачный и подавленный. Огонек семейного счастья не загорался, хотя все любили всех, и особенно новую девочку по прозвищу Зайка.

– Поговори с Лариком, – посоветовала жена.

Ларик – это Ларионов. Руководитель ансамбля.

– Бесполезно, – ответил Влад. – Ларик жадный.

– Все жадные. Просто одни это скрывают, а другие нет.

– Ларик не скрывает.

– Может быть, стоит поискать другое место, – предположила жена.

– Не говори ерунды.

Другого места Артемьев не хотел. Он любил свой ансамбль. Они сработались, уважали талант друг друга. Не лабухи, а музыканты – вот что важно.

В ансамбле было два гея и трое нормальных. Геи – Павлик и Гога – образованные, прекрасно воспитанные красавцы, буквально – идеал человека.

Откуда они взялись, геи, и для чего?

У Влада возникла догадка: перенаселение планеты. Это опасно. Не хватит запасов нефти, воды, еды, воздуха, в конце концов. Природа выставила свой ограничитель: гей. Они не размножаются, а все-таки живут, красивые и талантливые. Украшают землю, но не перенаселяют.

Среди птиц тоже попадаются особи без потомства, и те, кто без потомства, помогают выжить всей стае. А семейные заботятся исключительно о своих птенцах. Инстинкт. Значит, нужны и те и другие. То же самое в человеческом сообществе. Геи тоже для чего-то нужны. Природа не ошибается.

– Хочешь, я поговорю с Лариком? – предложила жена.

– Еще чего, – отказался Влад. Он берег жену от унижений.

– А что такого?

– Ничего такого. Кто мужик в доме: ты или я?

Мужиком был Влад. Настоящим мужиком без вредных привычек: не пил, не врал, не волочил за девицами, хотя их вокруг музыкального ансамбля – пруд пруди. И всего остального тоже, включая наркоту.

Влад любил работать, зарабатывать, сочинять хорошие песни и дружить. Но в последнее время включился тормоз по всем направлениям.

– Просто ты устал, – вздыхала жена. – Это мы виноваты. Мы тебя заездили.

Главная виновница, еще без имени и без документов, выглядывала крошечной мордочкой, не подозревая, что она в чем-то виновата.

После репетиции Влад подошел к Ларику.

– Мне надо с тобой поговорить, – начал Влад.

– Говори, – разрешил Ларик.

Красавец в прошлом, Ларик и сейчас, на шестом десятке, был хорош: длинные седеющие волосы, медальный профиль.

Влад заметался мыслями. Можно сказать: мне нужны деньги. Ларик ответит: деньги нужны всем. Влад стоял и молчал.

– Ну? – поторопил Ларик.

– Ну не здесь же... – оттянул время Влад.

– А где?

– Я не знаю... Давай сядем.

– Некогда мне сидеть. Знаешь что, приходи ко мне домой.

– Когда?

– Сегодня в девять.

Влад обрадовался, что пытка отодвигается хотя бы до девяти.

Все оставшееся время Влад репетировал предстоящий разговор. Он скажет: «Мне не хватает зарплаты».

«А ты знаешь, сколько получает директор завода? – поинтересуется Ларик. – Или хирург, от которого зависит жизнь человека? Они получают в два раза меньше, чем ты».

«Но в Америке музыканты такого класса стоят в десять раз дороже!» – возразит Влад.

«Мы же не в Америке живем. Поезжай в Америку!»

«Не хочу я никуда ехать».

«Почему?»

«Не хлебом единым жив человек».

«Ну вот и договорились», – скажет Ларик. И все останется как было.

Значит, надо искать дополнительную работу. Халтуру. А подрабатывать музыкой, играть на свадьбах и корпоративах – значит амортизировать душу, портить нюх, как у гончей собаки. А гончая без нюха – это уже не собака.

Ларик жил за городом. В трехэтажном особняке. Его дом был похож на кинотеатр.

В доме пахло яблоками. Яблоки варили на кухне.

По дому бродили две девушки: дочка и любовница. Дочка была старше.

Ларик сидел на кожаном диване. Перед ним на низком столике – бутылка виски и два тяжелых стакана. Ларик был пьяница и бабник, но это его не портило. Даже наоборот.

Влад приехал ровно в девять. Он никогда не опаздывал и ненавидел тех, кто опаздывает.

– Садись, – пригласил Ларик. – Выпьешь?

– Я за рулем, – отказался Влад.

– Тогда я дам тебе яблочный джем. Очень полезно для пищеварения.

Любовница Жанна принесла блюдо с джемом. Влад проводил ее глазами. Отметил, что у Жанны – очень красивая попа. Лучше лица.

– Может, ты голодный? – проверил Ларик.

– Нет. Спасибо. Я из дома.

Влад взял ложечку и стал есть джем.

– Вкусно? – спросил Ларик.

– Песня... – отозвался Влад.

Джем действительно был сварен грамотно: корица, минимум сахара, не переварен, сохранены все витамины и даже аромат остался прежним.

Влад знал, что от Ларика сбежала жена. Как надо было постараться, чтобы жена-ровесница сбежала от богатого мужа в никуда. Ларик первое время был раздавлен, но скоро обзавелся молодой любовницей, утрата была частично компенсирована. Можно поговорить о деньгах, но с чего начать... Влад ел джем и приспосабливался к предстоящему разговору.

– А меня хотели ограбить, – сообщил Ларик.

– Что значит «хотели»? – не понял Влад.

– Я спал ночью. Вдруг просыпаюсь, посреди спальни стоит таджик в маске.

– А откуда ты понял, что он таджик?

– Я потом понял. Слушай. Он стоит. Я лежу. Смотрим друг на друга. Я ему говорю: мужик, ты чего? А он поднес палец к губам: тсс... дескать, тише, не шуми... А сам на цыпочках подошел к балконной двери, вышел на балкон и сиганул с третьего этажа. И тишина. Я встал с кровати, заглянул вниз. Смотрю – лежит на земле, не шевелится. Не могу же я заснуть, если у меня под окном тело. Я выбежал на улицу, подошел, нагнулся, вижу – моргает, а правая ступня как будто рядом отдельно положена. Ну, думаю, сломал. Убежать не может. Спрашиваю:

– Больно?

А он отвечает: «Не очень. Только ты меня не сдавай минтам. Я стоять не могу. А они идти заставят, турма...»

– Тебе не в тюрьму, тебе в больницу надо.

Он закрыл лицо рукой и заплакал. Я думаю: ну что мне с ним делать? «Скорую» вызывать? Пока они приедут, сиди, жди. Легче самому отвезти. Я взял его под руки, волоком дотащил до своей машины, погрузил осторожно и повез в травмпункт. Его просветили на рентгене, говорят: сложный перелом со смещением и сухожилие порвано. Надо в больницу. Вызвали «скорую», приехала быстро. Спрашивают: кто сопровождающий? Я говорю: ну, я сопровождающий. Они: его в больнице не примут. Он иностранец. Я говорю: да какой он иностранец? Таджик. Они: таджики тоже иностранцы. У него медицинский полис есть? Я спрашиваю:

– Тебя как зовут?

– Якуб, – говорит.

– У тебя полис есть?

– Есть.

– Где?

– Где у всех. В штанах.

Он подумал: пенис. Перепутал. Слова похожие – пенис и полис.

– Документ, – говорю я. – У тебя есть с собой документы?

– На преступление с документами не ходят. Логично, думаю. Как в разведку. Если поймают, хотя бы не опознают. Спрашиваю:

– А по моему полису нельзя? – и деньги сую. Врач «скорой помощи» смотрит на деньги и говорит:

– Довезти я доведу, но за больницу не отвечаю. Пришлось ехать до больницы.

Я свою машину бросил возле травмпункта, залез в «скорую». Якуб лежит. Я сижу. Спрашиваю:

– Ты как в дом попал?

– Залез, – говорит. – По труба. Деньги надо.

– Пришел бы как человек. Попросил.

– А ты бы дал?

– Может, и дал бы.

«Сейчас попрошу, – подумал Влад. – Как человек...»

Подошла любовница Жанна. Села возле Ларика, прижалась, как кошечка.

– В общем, приехали мы в больницу. Без документов не принимают. Я говорю:

– Положите гипс, я его обратно заберу.

Они:

– Какой гипс? Здесь операция нужна.

– Ну так сделайте, я заплачу.

– Без документов не имеем права. Он таджик.

– А таджики что, не люди? У них был Омар Хайям, Низами, древнейшая цивилизация.

– Это слова. А надо документ. Не имеем права.

– А выкинуть на улицу, как собаку, имеее право?

Я достал мобильный телефон, стал звонить знакомым из здравоохранения, решил пресовать врача сверху. А потом говорю врачу: давай пойдем коротким путем... И даю ему баксы. Хорошо, что я кошелек с собой захватил. Тот взял деньги и говорит:

– Давайте ваш полис. Я запишу больного на ваш полис. Нас ведь тоже проверяют.

А у меня полис в Москве, на квартире. Говорю:

– Ладно. Завтра привезу.

– Ваш паспорт, хотя бы...

А у меня и паспорта с собой нет. Не буду же я спать в пижаме и с паспортом. Короче, пришлось брать такси, ехать в травмпункт за своей машиной, оттуда на дачу за паспортом и опять в больницу.

– Ты хороший человек, – прожурчала Жанна.

– А у меня не было выхода.

– Мог бы бросить, и все, – подсказала Жанна.

– Я бы бросил, если бы не видел эту ногу. А когда увидел, то караул. Как он будет на такую ногу опираться? Молодой парень, красивый, как из индийского кино.

– А за операцию ты тоже заплатил?

– Естественно. В конверте врачу. И в кассу столько же в рублях. Если сложить все мои расходы, получится сумма, за которой он лез. Так что этот Якуб меня все-таки обокрал.

– С обоюдного согласия, – добавила Жанна и прижалась теснее к теплому боку Ларина.

Он поцеловал ее в макушку.

– Ты лучше скажи: что ты здесь топчешься возле меня? Тебе что, ровесников мало?

– Ты обеспечиваешь питание и проживание, – объяснила дочь, проходя мимо.

Жанна игнорировала это замечание. Сделала вид, что не слышала.

– Мне с ровесниками неинтересно. Мне с ними скучно.

– А со мной весело?

– С тобой весело. Ты хороший.

«Сейчас попрошу, – подумал Влад. – Хорошая минута».

– Ларик, – начал Влад и замолчал.

– Что? – спросил Ларин.

– У тебя где туалет?

– Прямо и направо.

Влад не хотел в туалет, но пришлось встать и пойти прямо и направо.

Туалет был просторный, стены обложены кафелем под мрамор. На стене висела клетка с механической птичкой. Влад сел на унитаз и неожиданно для себя громко пукнул. Сработал яблочный джем. И тут же запела птичка. Как это понимать? Птичка призвана заглушать выхлопы кишечника? Или это просто шутка?

Влад подошел к крану, вымыл руки и гулко высморкался. И снова запела птичка. Влад понял, что в игрушке находится механизм, который реагирует на колебания воздуха. А именно – на громкий звук.

Влад вышел и присоединился к компании.

– Ты что-то хотел сказать, – напомнил Ларик.

– У тебя очень смешная птичка. Японская, наверное. Только японцы могут такое придумать.

– Нравится?

Ларик встал с дивана, удалился на короткое время и вернулся с птичкой в клетке.

– На! – Он протянул Владу. – Держи...

– Не надо!

– Бери, бери...

Влад растерянно взял птичку и заглянул в ее личико. Это был воробей или чижик-пыжик. Маленькая птичка с клювиком и круглыми глазками.

«Теперь уж точно не попрошу», – понял Влад.

Жертвоприношение Ларика ограничилось птичкой. Вся его душевная широта была израсходована на Якуба. Ларик платил только с обоюдного согласия, когда он сам этого хотел, и не терпел никакого давления.

Он был разным: хорошим человеком и плохим человеком, щедрым и жадным, порочным и нравственным, благородным и жлобом.

Влад, как механическая птичка, чувствовал своим внутренним устройством колебания Ларика. Он догадывался: Ларик денег не даст. Все будет по-старому, но осадок останется. Отношения пострадают. Ларик не простит вымогательства, а Влад унижения.

Повисла пауза. О чем говорить, когда все и так ясно. Надо прощаться и уходить.

– Ты хочешь, чтобы я тебе повысил ставку за концерт? – прямо спросил Ларик.

– Нет, нет, – испугался Влад. – Ни в коем случае.

– А о чем ты хотел поговорить?

– О новом альбоме. У меня есть стихи, – вывернулся Влад.

– Чьи?

– Ты будешь смеяться. Пушкина.

– Как раз не буду смеяться. Пушкин хороший автор, которого сегодня плохо знают.

Жанна, ты знаешь Пушкина?

– Фамилию слышала, а читать не читала, – призналась Жанна.

– Одноклеточный организм. Муха-дрозофила, – заметила дочь Ларика.

– А ты кто? – огрызнулась Жанна.

– Девочки, не ругайтесь, – попросил Ларик. Посмотрел на Влада и сказал: – У тебя хорошие мелодии. Ты – мелодист. Это редкий талант. Твои мелодии запоминаются и застревают в душе.

Ларик замолчал. Влад не понял: это конец фразы или будет продолжение.

– И что? – спросила Жанна, которая тоже не поняла.

– Зачем просить, когда можно заработать? – продолжил Ларик.

– А я и не просил, – отрекся Влад.

– Просил, просил... Только молча.

Ларик плеснул Владу виски в чистый стакан. Это был знак согласия и примирения. Влад выпил.

Алкоголь быстро подействовал. Влад сидел и мечтал и предчувствовал, что завтра же сядет писать новый альбом. Мелодии стояли у горла.

Влад вернулся домой в три часа ночи. От него пахло спиртным, что недопустимо. В руках была клетка с механической птичкой.

– Что это? – спросила жена.

– Результат переговоров. Пример для подражания. К ней с говном, а она поет...

– Выпил... – определила жена. Взяла клетку. Вгляделась в птичку. – Какая милая...

В конце лета к Ларику зашел Якуб.

Ларик неожиданно обрадовался, как будто увидел близкого родственника. Якуб свободно передвигался на обеих ногах, никаких следов травмы. Молодые кости прочно срослись.

В руках Якуб держал большую белую дыню. – Тебе... – Якуб протянул дыню Ларику. – Сорт «торпеда». Половина сахар, половина мед...

Дыня действительно была очень сладкая.

Чужие проблемы

У меня была подруга. И есть. Ведущая актриса ведущего театра. Она приехала из Харькова, чтобы завоевать Москву. И завоевала.

У подруги была дочь. И есть. Людка. Только раньше она была маленькая, а сейчас молодая.

Моя подруга оставила годовалую дочку в Харькове, в каком-то интернате или в детском доме, не знаю точно. Больше оставить было негде. Ни мужа, ни родителей у подруги не было, только одна, но пламенная страсть к театру. Бог заложил в нее актерский талант, и этот талант распирает ее, вопил и рвался наружу.

Подруга изредка ездила в Харьков, навещала дочь, привозила ей гостинцы: сладости, игрушки. Пробыв положенное время, подруга уходила, и на Людку тут же нападали дети постарше и все отбирали. Людка пыталась защитить свои кульки и коробки, но ее били и все равно отбирали. Так что лучше было сразу отдать и не сопротивляться. Единственное, что позволяла себе Людка, – горькие рыдания и вой на всю округу, но на вой не обращали внимания. В этих стенах всегда кто-то выл.

Потом Людка подросла и пошла в первый класс.

Подруга на каникулах привезла ее в Москву, и тогда я впервые увидела девочку. Мы познакомились. Она доверчиво вложила свою маленькую горячую ручку в мою ладонь. Спросила:

– А что ты мне принесла?

Я смутилась и сняла со своей шеи янтарные бусы. Оставить девочку без подарка было невозможно.

Девочка понюхала янтарь, потом лизнула. Большие глазки и острое личико делали ее похожей на белочку.

Подруга посмотрела на нас, и в ее голове созрел план.

– Возьми ее сегодня к себе ночевать...

Я посмотрела на подругу с некоторым замешательством. У меня были свои планы на вечер и на ночь.

– Понимаешь, мне завтра с утра на репетицию. Я не могу бросить ее одну в квартире, а тащить в театр не хочется. Куда я ее там дену? Пусть она у тебя переночует, а в три часа я за ней заеду.

Подруга не спрашивала, а ставила перед фактом. Ее можно было понять. На репетиции она не сможет погрузиться в роль и будет чувствовать себя как рыба на крючке.

Мои планы не столь существенны, их можно поменять в конце концов.

Я решила пожертвовать романтическим вечером во имя дружбы. Забрала Милочку – тогда она была Милочка, Людкой стала позже. Привезла к себе домой.

У меня не было детей, и я с удовольствием возилась с семилетней девочкой. Поставила под душ, поливала теплой водичкой ее хрупкое тельце. Нет в мире ничего более красивого и трогательного, чем маленькие люди.

Потом я кормила Милочку и уложила спать в большую комнату на диване, а сама ушла в спальню.

– Не закрывай дверь, – попросила Милочка. – Оставь щелку.

– Хорошо, – согласилась я и оставила щелку.

Я села за стол и стала переводить стихи по подстрочнику. Мое рабочее место – в спальне, поскольку я люблю маленькие помещения.

Рифмы сами прыгали на чистый лист. Работа шла, вернее, бежала впереди мысли. Почему бы это? А потому что за стеной на моем диване спала маленькая девочка, милая, как

белочка, и такая же незащищенная, зависимая от котов, от собак, от холода и голода. В моей груди было тепло от любви, кровь бежала быстрее, и мозги крутились энергичнее.

Я легла спать в час ночи, а проснулась в два.

Возле меня стояла Милочка в моей ночной рубашке. Длинная белая рубашка делала ее похожей на привидение.

– Я боюсь, – сообщила Милочка. – Я лягу с тобой.

Она не спрашивала, а ставила перед фактом. Влезла ко мне под бок и тут же засвистала носиком. Заснула.

Ночь прошла, как на вахте. Я спала урывками, проваливалась в забытие, потом возвращалась в явь. Лежала, смотрела в потолок, слушала детское дыхание. Я испытывала неудобство и счастье. Два в одном. Я не понимала свою подругу, которая добровольно отказывалась от материнства ради лицедейства. Все-таки жизнь первична, а все остальное вторично. Все остальное – это театр, стихи, роли... Все это – работа разума, воображения, химия, короче. А маленькая девочка с глазами, как у белочки, легким дыханием... Как можно менять одно на другое. Но это не мои проблемы. Это проблемы моей подруги.

В следующий раз белочка появилась через десять лет, уже не Милочка, а Людмила – семнадцатилетняя молодая кобылка. Попка у нее была, как рюкзачок туриста, набитая молодой плотью. Глазки – прежние, как у белочки, зубки немножко вперед. Грызун. Она покинула Харьков и переехала к матери окончательно.

За эти десять лет моя подруга – кстати, ее зовут Светлана – набрала козырей в свою колоду. Она стала богата, знаменита и даже купила дом в ближнем Подмосковье. У Светланы появился гражданский муж Юра. Она не торопилась расписываться с ним официально. Ждала, может, подвернется кто-нибудь получше, но ничего стоящего не подворачивалось, а барахла – сколько угодно. Светлана оставалась с Юрой. Лучше такой, чем никакого.

У меня тоже появился гражданский муж, на шесть лет моложе. Мне тридцать семь, ему тридцать один. Он был легкий, прыгучий и хозяйственный. Быстро передвигался в пространстве, как кузнечик. Любил подпрыгивать с поднятой рукой, как будто пытался сорвать грушу, висящую высоко. Обожал анекдоты и знал их великое множество. В компании всех перебивал, чтобы рассказать очередной анекдот.

Я не относилась серьезно к нашей связи. Рассчитывала на месяц-другой, но прошло уже пять лет, а Кузнечик все прыгал и сыпал анекдотами, и они у него не кончались. Где он их брал?

Единственно, что у него было красиво: тело. Оказывается, мужская красота тоже привлекает. И, столкнувшись с красотой, с совершенными пропорциями, – уже не согласишься с пузом, с подвисшей кожей, с валиками на спине, которые называются «жопины уши».

Но вернемся к Людмиле.

Семнадцатилетняя Людка приехала из Харькова с аттестатом зрелости и беременностью восемь недель. Матери ничего не сказала. Боялась.

Прибежала ко мне, стала умолять, чтобы я нашла врача. Хотела избавиться от нежелательной беременности.

– Не буду. Я верующая, – решительно отказалась я. – Обратись к кому-нибудь другому.

– Но я никого не знаю. У меня никого нет, кроме вас.

Людка умоляюще сложила лапки.

– Я не хочу быть соучастницей в убийстве, – отрезала я.

– Какое убийство? Клетка. Эмбрион.

– Через восемь месяцев это будет человек. Нет. Нет и нет.

Все кончилось тем, что Людка упустила все сроки и родила мальчика Арсения.

Когда она впервые увидела его выпуклый лобик, ее охватил ужас от мысли, что она хотела убить эту крошку вместе с его лобиком, ручками и ножками. Какое счастье, что судьба уберегла ее от этого шага. Она благодарила Бога, хотя надо было благодарить меня.

Светлана репетировала Марину Мнишек, ей было не до внука, тем более что он орал по ночам, не давал спать.

Арсика нашли няню и сослали его на дачу в ближнее Подмосковье.

Первый год Людка не могла и не хотела отлепиться от сына и торчала на даче. Но через год, бросив кормить, оторвав от груди, Людка вернулась в Москву с благими намерениями: поступить в вуз.

Она стала постоянно появляться в моем доме. Кузнечик учил ее играть на гитаре. Обнимал за спину. Я не ревновала. Они больше подходили друг другу, у каждого по три извилины в мозгу и ничего святого.

Я спрашивала Людку:

– А кто отец Арсика?

– Без понятия, – отвечала Людка.

Я ненавижу этот оборот. Можно ответить: не знаю. Или: понятия не имею. Но «без понятия» – в этом обороте есть что-то безнадежно жлобское.

– Как же так? – удивлялась я. – Ты что, не помнишь, с кем ты спала? Ты была пьяная? Или это было групповое изнасилование?

– Мы сдали на аттестат зрелости... – неопределенно отвечала Людка.

– И ЭТО был последний экзамен?

Людка пожимала плечами. Не хотела говорить или действительно не помнила.

– Ну, а на кого похож ребенок? – допытывалась я.

– Ни на кого. На себя.

Людка – не хитрая. Она действительно не помнила и, что самое интересное, – не стеснялась своего неведения. Такие судьбоносные события: первый мужчина, потеря девственности, беременность, – и она не помнит, КТО...

– Ну, хоть приблизительно, – добиваюсь я.

– Без понятия...

– Опять «без понятия», – раздражаюсь я.

– Да отстань ты, – взрывается Кузнечик. – Чего пристала? Какая разница? Главное – ребенок. Ребенок есть, и все!

Я соглашаюсь. Действительно, чего пристала? В некоторых религиях отец вообще не учитывается. Национальность – по матери.

Мать – это всегда наверняка, а отец – поди знай...

Прошло еще семь лет.

Людкин сыночек вырос на даче и ходил в поселковую школу. Светлана пробились в Голливуд. Появлялась в американских фильмах класса «С», мечтала пробиться в фильмы класса «А», где снимаются настоящие звезды за настоящие деньги.

Людка поступила в институт, но практически не училась. Ей это было неинтересно. Интересовали Людку только две позиции: любовь и деньги. Можно понять.

Где Людка брала деньги, я так и не поняла. Но она то и дело появлялась в разных пальто: белом, черном на магнитных застёжках, кожаном, вязаном.

Красивой она не была, но молодой была. Молодость – это цветение. А цветение всегда привлекает.

У меня появился новый гражданский муж. В отличие от Кузнечика он был умный, но сексуально неубедительный. Однако общение с умным человеком – удовольствие, ни с чем

не сравнимое. Для меня во всяком случае. За ум я могу простить многое, и «жопины уши» в том числе.

У Людки завелся любовник – обаятельный и яркий, ничего не скажешь. Но прочно женатый. Они познакомились в бассейне. Он бурно плавал и фыркал, как морской конь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.